

Традиции и современность в региональном кинематографе (на примере женских образов)

Кравченко К. А., Московчук Л. С.

В статье показано, что региональный кинематограф, получивший большое распространение в России в последние десятилетия, может рассматриваться как инструмент по сохранению и развитию традиционной культуры и этнической идентичности в регионах России. На примере женских образов, представленных в фильмах, раскрывается тема преемственности традиционных взглядов на женственность в современной культуре.

Ключевые слова: философия кино, региональный кинематограф, традиционная культура, этническая идентичность, женские образы, преемственность культуры, глокализация

Traditions and Modernity in Regional Cinema (Based on the Example of Women's Images)

Karolina A. Kravchenko, Lyubov S. Moskovchuk

The article shows that regional cinema, which has become widespread in Russia in recent decades, can be viewed as a tool for the preservation and development of traditional culture and ethnic identity in the regions of Russia. The example of films presenting women's images highlights the continuity of traditional views on femininity in modern culture.

Keywords: philosophy of cinema, regional cinematography, traditional culture, ethnic identity, women's images, continuity of culture, glocalization

Сохранение традиционной культуры и этнического культурного наследия в настоящее время – важная и достаточно сложная задача. Сложность её заключается

в распространённости глобализационных процессов, с одной стороны, и в опасности превращения традиции в закостеневший музейный объект, с другой стороны. В последнее десятилетие глобализация все чаще замещается глокализацией – смешением глобального и локального. Под влиянием интенсивных межкультурных контактов происходит осознание важности сохранения этнической идентичности и поддержание и развитие традиционной культуры.

Региональное кино – особое явление в российской культуре, которое ярко заявило о себе в последние десятилетия. Региональное кино, с одной стороны, стало мощным высказыванием о поиске и утверждении этнической идентичности, а с другой – представило зрителю образ близкого и понятного своими заботами Другого, тем самым преодолев узость географического толкования термина. Региональный кинематограф, как культурное явление, пока недостаточно исследуется в академическом поле философии и культурологии, несмотря на сложившийся собственный специфический киноязык. Подлинность, фактурность, искренность и высказывание позволяют очертить границу между так называемым этнографическим кино, которое является взглядом со стороны, и собственно региональным, который, напротив, подчёркивает важность децентрализованного взгляда на национальную культуру.

Региональное кино – это высказывание не столько о территории, сколько о людях, эту территорию надеяющихся смыслом. Многие экзистенциальные вопросы раскрываются в региональном кинематографе через призму женского образа и женского взгляда. Большинство выборов, с которыми сталкиваются героини, запрашивают поиск баланса между сложившимся традиционным укладом и складывающимися современными практиками.

Одной из важнейших характеристик регионального кино выступает морально-аксиологическая тематика, особенно в презентации женских образов. Одна из центральных и наиболее чувствительных моральных тем, через которую проходят героини – выстраивание идентичности в условиях выбора между традиционализмом и модернизацией. При этом, любой выбор, затрагивающий нравственно-духовные ценности свободы, солидарности, верности, самоуважения может переживаться, как травмирующий и ограничивающий («Разжимая кулаки», 2020; «Теснота», 2017; «Чайка», 2015; «Белый ягель», 2014). Фильмы повествуют о кризисном состоянии женской души во всём многообразии её страстей, стремления к свободе, поиске поддержки и тепла.

Ленты «Разжимая кулаки», «Теснота», «Чайка» достаточно критично переосмысливают характерные для традиции установки на защиту близких и преданность семье вплоть до самопожертвования, предлагая зрителю высказывание об одиночестве и тоске женщины, зажатой в тисках патриархальной культуры. Но не всегда героини хотят вырваться из пут традиционного общества. Так в фильме «Белый ягель» показано право женщины традиционной культуры решать вопросы и устраивать судьбу сына. Невестка, которую мать приводит в дом, должна в буквальном смысле хранить очаг в чуме пока муж находится в тундре, олицетворяя собой преданность и любовь, принимая полностью при этом уготованную ей традицией роль. Стержнем конфликта для названных фильмов выступает урбанизация традиционных земель, под воздействием которой традиция выхолащивается и превращается в застывшие нормы далёкие от первоначального смысла, однако именно эти нормы начинают олицетворять традиционную культуру и искажать её образ.

Соотнесение современности с традицией позволяет заново обратиться к олицетворяющим женственность

категориям – материнству, милосердию и миротворчеству («Три письма», 2015; «Софичка», 2016). Так в фильме «Софичка» показано как во время войны главная героиня даёт пристанище дезертировавшему с фронта брату мужа, за что расплачивается ссылкой в Сибирь. Жизнь бьёт и ломает женщину, но ей удаётся сохранить внутренние свет, чистоту и милосердие, являя зрителю пример самоотречения и жизни по высшим моральным императивам. Софичке нечего стыдиться, ведь она была добра ко всем, защищала слабых и поддерживала немощных, согласилась отправиться прочь из дома вслед за людьми, за которых чувствовала ответственность. Современным медиа, транслирующим установки на благополучие, комфорт и защиту собственных границ, такой градус жертвенности может показаться драматичным и разрушающим, однако для героини этот выбор есть возможность осознать себя цельной личностью. В короткометражной башкирской ленте «Три письма» показан скромный и полный трагедий быт женщин, оставшихся ожидать своих сыновей и мужей в годы Великой Отечественной войны. Обращение к обрядам и традициям позволяют прожить и пережить горе утраты, наделить мгновение смыслом, возвысить повседневность и выйти за границы индивидуального опыта и переживания, принять судьбу и поддерживать надежду для всех показанных в фильме женщин. Центральные героини – дочь, мать и бабушка – разделены мировоззренчески: дочь-комсомолка и бабушка-мусульманка с трудом находят общий язык, но под влиянием обстоятельств находят в себе силы и желание восстановить мир в семье.

Гармония и согласие дома даёт метафизическую надежду на восстановление мира и справедливости там, на линии фронта, в большом внешнем мире. Таким образом подчёркивается невидимая высшая связь между мужским и женским, мужем и женой, сыном и мате-

рью, ребёнком и отцом, столь характерная для традиционной культуры. Эта сакральная взаимозависимость нашла воплощение в памятниках культуры, дошедших до наших дней. Так магическая роль интимных любовных отношений подчёркивается в наскальных изображениях из Тиута (Северная Африка) [5, с.161]: в центре изображённой сцены находится мужчина, целящийся из лука в птицу. За его спиной стоит женщина с поднятыми вверх руками. Тела мужчины и женщины соединены непрерывной линией. В этом случае мы видим женщину не вырванной из реалий жизни, а напротив полноценным участником охоты. Она обеспечивает расположение богов, поддерживает связь с потусторонним миром, чтобы мужская деятельность увенчалась успехом.

Л. Леви-Брюль так же приводит множество примеров, подчёркивающих мистическую связь мужчины и женщины, родителей и ребёнка: «когда мужчины находятся далеко, женщины из их семьи не должны предаваться гневу, а то мужчин укусит змея» [2, с. 421].

Современная западная культура, долгое время выступавшая образцом для глобализационных процессов, напротив предлагает атомизирование субъектов и общества. Д. Судзуки по этому поводу говорит, что «уход от реальности неизбежно ведёт к разделению её на бесчисленные составные части. Такая раздробленность является свойством не природы, а разума, который за счёт расщепления всего, что имеется в природе, на две части делает её познаваемой, пригодной для работы и использования для наших практических человеческих целей» [3, с. 362-363]. В результате такого деления современный западный человек утрачивает способность «мыслить» единство мира и принимать ценность соборности, что приводит человека к внутренним и внешним конфликтам.

Через драматичные судьбы героинь в региональном кино переосмысливается традиционная дихотомичность женской природы: жизнь и смерть («Нет бога, кроме меня», 2019; «Решала: Брат», 2022; «Мой убийца», 2016), сила и нежность («Неотосланные письма», 2017; «Айсылу», 2015), аполлоническое и дионисийское начала («Пугало», 2020; «Пусть ветер унесёт мои слова», 2015). Само по себе обращение к прочтению женской природы через противоположности характерно для традиционной культуры, и региональное кино таким образом актуализирует традиционное высказывание о женственности. Как указывает Трещёнок Ю. М.: «Способность женщины к деторождению делает её причастной к потустороннему миру и определяет её связь со смертью, так что смерть приобретает женские черты и сексуальную окраску, а на женщину переносится свойство двойственности существа, заключающего в себе потенциал к воспроизводству и, одновременно, влекущего угрозу, таящуюся в сфере потустороннего» [4, с. 142], а женское лоно часто представляется как связующая нить между миром живых и мёртвых.

Образы женщин и сценарии женских судеб позволяют региональному кино осмысливать нравственные и экзистенциальные константы традиционности и современности, приближая нас через региональную самобытность к пониманию и принятию Другого. Рассматривая женское начало через моральные ценности любви, принятия, милосердия, миротворчества, ответственности, региональный кинематограф показывает преемственность традиций в современной культуре и сам выступает одним из механизмов по сохранению и развитию традиции. Смысл жизни в традиционном обществе, по мнению А. Гениса, культуролога и эссеиста, сводится к тому, «чтобы просто быть на своём месте в мироздании, участвуя в космической игре жизни и смерти» [1, с.175]. Именно такой поиск своего места с

принятием этнической идентичности предлагает региональное кино.

Литература

1. Генис А. Эссе. М., 1997. 256 с.
2. Леви – Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. Педагогика – пресс, 1994. 602 с.
3. Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. Бишкек: МП «Одиссей», 1993. С. 3-468.
4. Трещёнок Ю. М. Представление о ритуальной нечистоте женщины в традиционной культуре // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, №. 3. С. 140-147.
5. Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия, сост. И.А. Химик, научн. ред. М.С. Каган. СПб.: «Славия», 1994. 416 с.